

О, ЭПОЛЕТЫ, ЭПОЛЕТЫ!

Опыт идентификации персонажа акварельного портрета неизвестного подполковника Генерального штаба

«О, эполеты, эполеты! ваши звёздочки, путеводительные звёздочки... Нет! я теперь совершенно счастлив».

*М. Ю. Лермонтов.
Герой нашего времени.*

22 мая 2013 года Григорий Анатольевич Леви, заместитель генерального директора «Русской антикварной галереи», предложил мне приехать в галерею и посмотреть на появившиеся там портреты двух неизвестных русских офицеров — графический и живописный. Интуиция, которой я привык доверять, побудила меня согласиться, и спустя час я держал в руках и с нескрываемым восхищением разглядывал эти портреты. Казалось, я переместился не только в пространстве, но и во времени. Меня окружали красивые вещи позапрошлого столетия — живопись, графика, мебель и предметы материальной культуры. Всё располагало к тому, чтобы взяться за решение непростой задачи и попытаться установить имена неизвестных офицеров.

На небольшом акварельном портрете был запечатлён штаб-офицер Генерального штаба. Акварель (15,7 x 12,9 см) выполнена жившим тогда в Варшаве молодым художником-миниатюристом Карлом Фридрихом Пачке (1813–1871), известным в Польше также под именем Франтишек. Справа внизу портрета мы видим подпись художника и дату: «f. Patschke pin Warschau / den 20. Januar 1836». Акварель оформлена в старинную раму из кожи с тиснением и хорошо сохранилась.

Генералы, штаб- и обер-офицеры Генерального штаба имели серебряный аксельбант, воротник мундира из чёрного бархата и серебряное шитьё особого рисунка в виде переплетённых пальмовых листьев: на воротнике — в один ряд, на обшлагах — в два ряда. Выпушка — цветная оторочка по краям воротника, обшлагов, бортам мундира — красная. Все эти детали униформы скрупулёзно переданы художником.

Три небольших золотых звёздочки на серебряных эполетах, по краю украшенных тонкой серебряной бахромой, позволяют безошибочно определить чин офицера. Перед нами подполковник Генерального штаба. (Полковнику полагались «густые» эполеты без звёздочек.)

Щегольской мундир молодявого офицера украшен знаками отличия, свидетельствующими о том, что подполковник был

Карл Фридрих Пачке. Портрет подполковника Генерального штаба Михаила Мартыновича Роговского 3-го, дивизионного квартирмейстера 2-й лёгкой кавалерийской дивизии. Акварель. Варшава. 20 января 1836 г.

участником двух победоносных кампаний: Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и Польского похода 1831 года. На шее подполковника — ордена св. Анны 2-й степени с императорской короной и св. Станислава 3-й степени. На груди — орден св. Владимира 4-й степени с бантом, серебряная медаль «За Турецкую войну», серебряная медаль «За взятие приступом Варшавы 25 и 26 августа 1831 года», тёмно-бронзовая «дворянская» медаль «В память Отечественной войны 1812 года» и золотой Знак отличия за военные достоинства 4-й степени. Помимо этих знаков отличия заслуги офицера отмечены Золотой шпагой с надписью «За

храбрость» и бриллиантовым перстнем. В правой от зрителя части акварельного портрета хорошо различим золочёный эфес наградного оружия, а на мизинце правой руки портретируемого отчётливо виден золотой перстень с бриллиантом.

Я пылливо всматривался во все детали униформы подполковника Генерального штаба, прекрасно осознавая, что незначительная на первый взгляд деталь военного костюма легко может стать важным звеном в решении стоящей передо мною задачи.

Подполковник был награждён относительно высокими для его чина орденами. Орден св. Анны 2-й степени с император-

ской короной жаловался лишь тем военным и гражданским чиновникам, кто уже был ранее пожалован св. Анной 2-й степени. Императорская корона возвышала достоинство награды. Орден св. Владимира 4-й степени с бантом был очень достойной офицерской наградой, заслужить которую можно было лишь на поле боя. Об ордене св. Станислава надо сказать особо. После подавления Польского восстания 1830–1831 годов польские ордена св. Станислава и Белого Орла, которыми до той поры награждали лишь уроженцев Царства Польского и в единичных случаях — представителей коронной администрации, были включены в систему императорских и царских орденов Российской империи. Первоначально орден св. Станислава имел четыре степени, причём знак ордена 3-й степени, подобно ордену св. Владимира 3-й степени, полагалось носить на шее. На шее носили и знак 2-й степени, но в этом случае орденский крест дополнялся серебряной орденской звездой, носимой на левой стороне груди. Так продолжалось до 1839 года, когда 4-я степень этого ордена была отменена, а 3-ю степень стали носить не на шее, а в петлице (на груди). Орден Станислава 3-й степени стал самым младшим из всех российских орденов мирного времени. Однако портрет неизвестного подполковника был написан в январе 1836 года, когда орденская система Российской империи находилась в процессе становления: иерархия орденов ещё не была окончательно закреплена, и орден св. Станислава 3-й степени в качестве штаб-офицерской награды котировался очень высоко, ибо награждали им редко и с большим разбором.

Если с серебряными медалями, которыми награждён подполковник Генерального штаба, всё ясно (медали даны за непосредственное участие офицера в двух победоносных войнах), то наличие на его мундире тёмно-бронзовой медали «В память Отечественной войны 1812 года» требует комментария. Судя по возрасту молодого офицера, он вряд ли мог быть участником этой войны. Почему же мы видим на его груди «дворянскую» медаль на Владимирской ленте? Эта медаль была учреждена Манифестом императора Александра I от 30 августа 1814 года. Медаль на Владимирской ленте предназначалась для награждения глав дворянских родов, даже если они не принимали непосредственного участия в Отечественной войне и Заграничных походах. Манифест гласил: «Сию бронзовую... медаль да возложат на себя отцы или старейшины семейств, в которых, по смерти носивших оную, остаётся она в сохранении у потомков их, яко знак оказанных в сём году предками их незабвенных заслуг Отечеству...» Потомки тех, кто был награждён

Орден св. Анны 2-й степени с императорской короной.

Орден св. Станислава.

Знак отличия за военные достоинства 4-й степени.

«дворянской» медалью, поняли эту фразу буквально, и старшие в роду стали не только хранить, но и носить эту медаль после смерти своих предков, её удостоенных. Такова была реальная практика, и персонаж акварельного портрета действовал в рамках уже сформировавшейся к середине 1830-х годов традиции. Однако лишь в столетний юбилей Отечественной войны 1812 года император Николай II официально узаконил право потомков на ношение этой медали.

Правее тёмно-бронзовой «дворянской» медали на мундире офицера располагается золотой крест с тонкой чёрной окантовкой по краям — Знак отличия за военные достоинства 4-й степени, внешне напоминающий польский военный орден «Virtuti Militari». Но почему золотой крест почитался ниже бронзовой медали и носился после неё? В наши дни орден «Virtuti Militari» — это самый почётный польский военный орден, который присуждается за выдающиеся боевые заслуги.

У этого ордена есть своя история, столь же драматичная и поучительная, как история Польши. Орден был учреждён последним королём Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским 22 июня 1792 года в ознаменование победы, одержанной над войсками русской армии в битве под Зеленцами во время Русско-польской войны, упразднён в том же году самим королём по политическим мотивам. Более того, ношение орденских знаков королём было запрещено. Во время Польского восстания 1830–1831 годов повстанцы награждали орденом «Virtuti Militari» своих сторонников. Подавив восстание, Николай I решил наградить всех без исключения воинов русской армии, сражавшихся против повстанцев, и распорядился отчеканить на манер польского боевого ордена новый имперский знак отличия, разделённый на пять степеней (классов). Первая степень предназначалась для награждения главнокомандующего, начальника штаба и командиров корпусов; второй степени были удостоены нижестоящие генералы, третью степень получили штаб-офицеры, четвёртую — ротные и эскадронные командиры, обер-офицеры, пятую — унтер-офицеры и рядовые. Император не поспешил, награждая тех, кто с оружием в руках помог ему отстоять и сохранить территориальную целостность Российской империи: три высшие степени отчеканили из золота, покрытого чёрной эмалью, четвёртую — из золота, а пятую — из серебра. Это был символиче-

ский жест самодержца, адресованный его склонным к мятежам польским подданным. Николай I не верил в благонамеренность поляков и считал нужным демонстративно остудить их патриотический пыл. Спустя пять лет после подавления восстания генерал-фельдмаршал князь Паскевич получил от государя письмо, в котором были такие строки: «Желал бы верить тебе, что дух в Польше поправляется; но, признаюсь, я всё ещё Фома неверящий»¹.

Итак, все участники усмирения восстания получили единственную в своём роде награду, ни до ни после того не имевшую аналогов в наградной системе императорских и царских орденов. Это была награда-фантом, награда-оборотень, внешне похожая на польский военный орден «*Virtuti Militari*». Награда изготавливалась из драгоценных металлов и по виду напоминала орден, но официально именовалась Знаком отличия за военные достоинства и не была включена в наградную систему Российской империи. Она не давала её обладателю никаких преференций, считалась младше всех медалей, и награждений ею за другие отличия больше никогда не производилось.

После того как я разобрался с чином неизвестного офицера и его наградами, следовало задуматься над логистикой изысканий по установлению личности портретируемого. Я твёрдо усвоил правило: хорош не тот историк, кто держит в своей голове множество дат и фактов, а тот, кто начинает свою исследовательскую работу с обращения к справочникам. Библиографический указатель, выпущенный под редакцией профессора МГУ Петра Андреевича Зайончковского, помог мне быстро выявить справочные издания, необходимые для решения поставленной задачи².

Прежде всего я обратился к «Месяцеслову и общему штату Российской империи» и просмотрел это издание за 1836, 1837 и 1838 годы. «Месяцеслов», или «Адрес-календарь», являлся официальным изданием, содержал общую роспись всех военных и гражданских чиновных особ Российской империи, включая подробные сведения обо всех орденах, медалях и иных отличиях, имевшихся у этих чиновников. Однако если военный не принадлежал к чином государственной Свиты, не числился в рядах одного из полков лейб-гвардии или не состоял в штате центрального аппарата Военного министерства, то фамилии этого военного чиновника могло не оказаться в этом справочнике. Я не нашёл в «Месяцеслове» ни одного подполковника Генерального штаба, отмеченного знаками отличия, подобными тем, что были у портретируемого офицера³. Это означало лишь одно: в указанные годы подполковник служил не в центральном аппарате Военного министерства и гене-

Генерал от инфантерии и член Военного совета М. М. Роговской.

рального штаба и находился вне Петербурга. Вспомним, что портрет был написан в Варшаве. Судя по всему, подполковник служил в составе Действующей армии, которой командовал генерал-фельдмаршал светлейший князь Варшавский граф Иван Фёдорович Паскевич-Эриванский. (Среди портретных миниатюр работы Пачке, хранящихся в Государственном Историческом музее, есть и портрет Паскевича, созданный в 1830-е годы.)

Следовало обратиться к иным справочникам, выявить в списках личного состава армии всех штаб-офицеров Генерального штаба, выделить из них тех, кто в январе 1836 года имел чин подполковника, а затем уже заняться обнаружением того, кто по состоянию на январь 1836-го успел получить все без исключения запечатлённые художником ордена, медали и иные знаки монаршей милости. В списках личного состава армии по чином была предусмотрена специальная графа: «Знаки отличия российских и иностранных орденов, аренды и прочие награды». И эта графа заполнялась, как я выяснил, с исключительной тщательностью: в неё заносились любые проявления монаршей милости.

Выяснилось, что «Списки штаб-офицеров по старшинству» стали регулярно печататься в типографии Военного министерства лишь начиная с апреля 1838 года. Так как за эти два года, с января 1836-го по апрель 1838-го, подполковник мог получить следующий чин, я обратился к «Списку полковникам по старшинству на 1838 год». Я с наслаждением перелистал страницы этой изящной миниатюрной книжечки, изданной в 1/64 долю бумажного листа и напечатанной мелким, но очень чётким и легко читаемым шрифтом. Выделил всех полковников Генерального штаба, произведённых в этот чин, начиная с января 1836-го. Таковых оказалось тринадцать человек⁴. Однако ни один

из этих тринадцати офицеров не имел всего комплекса наград, которыми был отмечен интересующий меня персонаж. Например, Михайло Константинович Ковалевский 2-й, получивший 12 февраля 1836 года чин полковника Генерального штаба, имел и орден св. Владимира 4-й степени с бантом, и орден св. Станислава 3-й степени, однако орденом св. Анны с императорской короной он был награждён лишь в 1837-м, то есть после написания портрета. Не было у него и Знака отличия за военные достоинства 4-й степени. Зато ещё в 1833-м Ковалевский был удостоен ордена св. Георгия 4-го класса, который отсутствует среди наград интересующего меня подполковника⁵. Михайло Львович Фантон де Верайон, пожалованный чином полковника Генерального штаба 29 марта 1836 года, был награждён за службу золотой табакеркой, годовым жалованьем, единовременными пожалованиями — 1000 и 240 червонцев. Был у него орден св. Владимира 4-й степени с бантом и орден св. Анны 2-й степени с императорской короной. Однако св. Станислава 3-й степени офицер получил лишь в 1837-м, а Знака отличия за военные достоинства 4-й степени у него не было⁶.

Тогда я обратился к «Списку подполковникам по старшинству на 1838 год» — и уже через час смог установить личность неизвестного офицера, чей облик донёс до нас Карл Фридрих Пачке. Дважды самым внимательным образом просмотрев этот справочник, содержащий сведения о нескольких сотнях офицеров, я обнаружил лишь одного подполковника Генерального штаба, отмеченного всеми теми знаками отличия, которые столь подробно были перечислены мной выше. Это был предельный случай равенства всего комплекта знаков отличия офицера из «Списка подполковникам...» с наградами портретируемого офицера, то есть их тождество. Был у него даже бриллиантовый перстень, запечатлённый художником! Этим офицером оказался дивизионный квартирмейстер 2-й лёгкой кавалерийской дивизии Михайло Мартынович Роговской 3-й, произведённый в чин подполковника Генерального штаба 6 декабря 1833 года — в день тезоименитства Николая I⁷.

Михаил Мартынович Роговской (Роговский, Раговский) оказался незаурядной личностью, примечательной во многих отношениях. Он родился 29 июля 1804 года и происходил из дворян Орловской (по другим сведениям — Киевской) губернии. Получил неплохое домашнее образование и успешно закончил знаменитое Московское учебное заведение для колонновожатых, основанное генерал-майором Николаем Николаевичем Муравьёвым. За годы существования этого учебного заведения в его

стенах было подготовлено 127 офицеров Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части (так до 1827 года именовали офицеров Генерального штаба). 13 выпускников училища были осуждены по делу декабристов. Роговского среди них не было, не попал он и в «Алфавит декабристов». 29 января 1822 года Михаил Роговской получил первый офицерский чин прапорщика и был зачислен в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. Его направили служить во Вторую армию и командировали в Бессарабию для производства съёмочных работ на местности и составления топографических карт. Судя по всему, именно здесь он познакомился с Пушкиным. По свидетельству современников, Пушкин в Кишинёве «по целым дням проводил с офицерами Генерального штаба»⁸. Можно выдвинуть гипотезу: молодой офицер с внимательным взглядом, изображённый на одном из пушкинских рисунков кишинёвского периода, — это прапорщик Роговской. Уже в те годы прапорщик, а затем подпоручик Роговской стал заниматься ведением военной разведки, ориентированной на подготовку к предстоящей войне с Турцией. Начало Русско-турецкой войны 1828–1829 годов Роговской встретил в чине поручика. Переправа через Дунай под сильным огнём неприятеля, блокада и взятие турецких крепостей Мачин, Гирсово, Базарджик — в этих сражениях принял участие и отличился поручик Роговской. Вот почему уже 19 июня 1828 года поручик, невзирая на его столь невысокий чин, получил ответственное назначение на должность дивизионного квартирмейстера 1-й конно-егерской дивизии. В обязанности квартирмейстера входило изучение местности, организация расположения и передвижения войск, подготовка карт, возведение укреплений, обеспечение тыловой инфраструктуры, ведение разведки. Роговской зарекомендовал себя как прекрасный военный разведчик, успешно выполнив несколько серьёзных рекогносцировок по направлению к Разграду и Силистрии и представив командованию подробные сведения о пройденных местностях и неприятельских силах. Наступила осень 1828 года, боевые действия временно затихли, и русская армия расположилась на зимние квартиры, однако неутомимый офицер и не думал об отдыхе и в течение двух месяцев производил съёмку части Молдавии, прилегающей к австрийской границе. В 1829-м уже штабс-капитан Роговской принимает участие в осаде Силистрии и отличается в сражении с войсками верховного визиря у Кулевчи, за что получает орден св. Владимира 4-й степени с бантом. Русская армия переходит через Балканы и занимает Адрианополь, где и был подписан мир, воспетый Пушкиным:

Прапорщик Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части М. М. Роговской. Рисунок А. С. Пушкина на листе с черновиками послания «Генералу Пушину», рядом с портретами генерал-лейтенанта И. Н. Инзова. Инзов — главный попечитель и председатель Комитета об иностранных поселенцах южного края России, к канцелярии которого был прикомандирован высланный из Петербурга Пушкин. Прапорщик нарисован без усов, ибо при Александре I усы было разрешено носить только офицерам лёгкой кавалерии. Рисунок впервые опубликован в книге Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина» (М. 1980. С. 284) как «И. Н. Инзов и неизвестный офицер».

*Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражён,
Решён в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашён.*

*И дале двинулась Россия.
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие⁹.*

Для штабс-капитана Роговского наступили жаркие дни. Сначала командование послало его из занятого русской армией Адрианополя, через Филиппополь, Татар-Базарджик и Софию, в крепость Видин. Разведчик успешно решил поставленную перед ним задачу, незамедлительно получил новое задание — и отправился в Константинополь, после чего представил начальству подробные военно-топографические маршрутные описания и съёмки всех пройденных путей. За блистательное выполнение этого разведывательного поручения агент-маршрутник штабс-капитан Роговской получает Золотую шпагу «За храбрость» и бриллиантовый перстень. (Перстень выдавался из Кабинета ЕИВ и стоил несколько сот рублей: это было годовое обер-офицерское жалованье.)

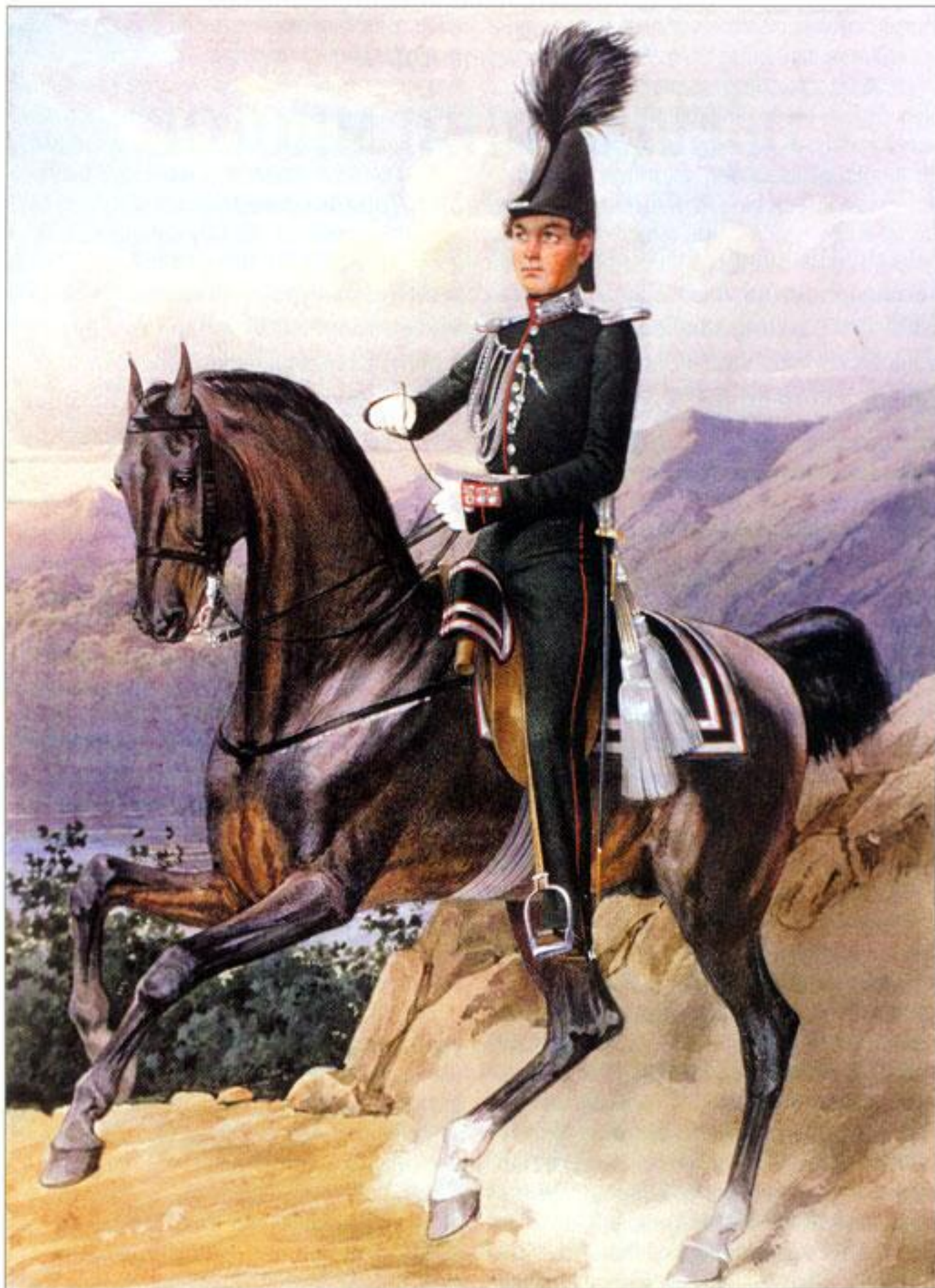
Во время подавления польского восстания в 1831 году Михайло Мартынович вновь проявил себя и как храбрый боевой офицер, и как предприимчивый военный разведчик. В генеральном сражении при

Обер-офицер Генерального штаба.
1826–1844 гг.

Остроленке, в начале дела, под штабс-капитаном была убита лошадь, а сам он был контужен в руку, когда во главе передовой колонны двинулся для овладения мостом и городом. За проявленное отличие Роговского произвели в капитаны. В одном из последующих сражений отважный капитан в рядах Кинбурнского драгунского полка три раза ходил в атаку и захватил с драгунами одно неприятельское орудие. Отличился он и как военный разведчик. Капитана трижды командируют с секретными поручениями во Львов (по-немецки — Лемберг) и несколько раз парламентёром в Краков. И вновь монаршие милости не заставили себя долго ждать. Капитана Роговского в 1831 году наградили орденом св. Анны 2-й степени, а в 1832-м за отличие при подавлении мятежа пожаловали ещё и Анну 2-й степени с короной и Станислава 3-й степени. Все эти награды мы видим на его акварельном портрете работы художника Пачке.

Наступила рутинная служба мирного времени. Михайло Мартынович продолжал ревностно служить царю и отчеству, рос в чинах, стал генералом, получал новые знаки отличия... Военный орден св. Георгия 4-й степени за 25 лет службы в офицерских чинах, ряд высоких орденов: св. Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени, св. Анны 1-й степени с императорской короной, св. Владимира 2-й степени с мечами над орденом, Белого Орла, св. Александра Невского. Табакерка с портретом императора Александра II. Аренда и денежные пожалования. В 1876 году генеральское жалованье Роговского составляло 1695 рублей в год, к ним добавлялось 2802 рубля столовых и 2000 рублей аренды, а всего 6497 рублей в год¹⁰. Как подобает настоящему профессионалу, старался не оставлять следов в качестве военного разведчика¹¹. Его профессия исключала публичность. Мы будем тщетно искать воспоминания об этом незаурядном человеке в мемуарной литературе. Едва ли не единственное упоминание о нём можно найти лишь у военного министра Дмитрия Алексеевича Милютин. Описывая проведение военных реформ, Милютин вскользь упомянул

о новом назначении генерала Роговского. «Бывший директор училищ военного ведомства генерал-лейтенант Роговский назначен членом Военного совета и инспектором военно-учебных заведений»¹². 29 января 1872 года, по случаю пятидесятилетнего юбилея служения в офицерских чинах, он был произведён в генералы от инфантерии с оставлением в Генеральном штабе. Генерал от инфантерии

Роговской умер 13 февраля 1881 года в Петербурге и упокоился на Казанском кладбище в Царском Селе.

Задача была решена. Ответ найден. Неизвестный подполковник Генерального штаба обрёл имя. А я обратился к живописному портрету, запечатлевшему неизвестного офицера с эполетами майора. Но о том, как я установил имя этого офицера, я расскажу в следующий раз.

Примечания

1. Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847//Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 482.
2. Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель. Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное. Научное руководство, редакция и вступительная статья П. А. Зайончковского. М. 1978. С. 38, 256.
3. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1837 год. СПб. 1837. С. 143–148.

4. Список полковникам по старшинству на 1838 год. СПб. 1838. С. 199, 203, 204, 205, 210, 212, 256, 257.
5. Там же. С. 199.
6. Там же. С. 203.
7. Список подполковникам по старшинству на 1838 год. СПб. 1838. С. 148.
8. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л. 1989. С. 372; Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. Л. 1991. С. 236.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 тт.

10. Т. 3. Кн. 1. М. 1995. С. 168. Эдырна — турецкое название Адрианополя. Эвксин, Понт Эвксинский — Чёрное море.
11. Список генералам по старшинству на 1876 год. СПб. 1876. С. 159.
12. В Российском государственном военно-историческом архиве отложилось несколько формулярных списков М. М. Роговского за разные годы службы. См.: РГВИА. Ф. 35. Оп. 2. Св. 100. Д. 1529. Л. 363–366 (колонновожатый Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части); РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7067.

- Л. 162–163 (прапорщик Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части); РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7070.
- Л. 405 об.—406 (подпоручик Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части); РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2066. Л. 4 (генерал от инфантерии, член Военного совета). Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою глубокую и искреннюю признательность А. В. Ганину, обратившему моё внимание на эти документы.
12. Милютин Д. А. Воспоминания, 1863–1864. М. 2003. С. 34.